

Ярославский край в шведских источниках XVII века

П. Г. Аграфонов

В XVII в. отношения Московского государства с ближайшим соседом, Швецией, играли важнейшую, определяющую роль во внешней политике России. Дипломатические связи двух государств в первой половине XVII в. опирались на заключенный 27 марта 1617 г. Столбовский мирный договор. Практически весь XVII век Россия и Швеция мирно сосуществовали. В 1620–1640-е гг. в русско-шведских отношениях доминировали мирные дипломатические связи, а не военно-политическое соперничество. По мере роста торговых связей началось и политическое сближение России и Швеции.

Эти процессы нашли отражение в большом числе разного рода шведских источников, посвященных России и ее регионам. В некоторых из них значительное внимание уделяется Ярославскому краю.

Шведский дипломат и историк, автор труда по истории России Пер Персон, более известный в России как Петр Петрей, дал общую характеристику Ярославскому княжеству. Это «чрезвычайно красивая страна, изобильная хлебом, скотом, медом, воском, свечным салом, пенькою и разною рыбой и дичью. Прежде оно имело собственных князей и правителей, а теперь под властью великого князя. Впрочем, некоторые из этих князей остались еще в живых и называются ярославскими князьями, но едва настолько богаты, чтобы держать 20 человек прислуги»¹. Далее он описывает реки края – Волгу, Мологу, Шексну, Которосль, Нерль.

Большое внимание шведские респонденты в этот период уделяют главному городу края – Ярославлю. Участник шведского посольства в Москву, автор описания России Иоганн Филипп Кильбургер называет его знаменитым². Шведский торговый представитель в Москве Иоганн де Родес объясняет это тем, что «он есть один из наиважнейших торговых городов, который имеет после Москвы, по сравнению с о всеми другими городами, большой привоз,

---

¹ *Петрей де Ерлзунда П.* История о Великом княжестве московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских (далее – ЧОИДР). 1865. Кн. 4. С. 40.

² *Кильбургер И. Ф.* Краткое известие о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России // Сборник студенческого историко-этнографического кружка при Императорском университете Св. Владимира. Киев, 1915. Вып. 6. С. 94.

как с суши, так и водой вверх по Волге»³. В этом он солидарен с Петреем. По словам последнего, «город и крепость довольно обширны в длину и ширину. Там ведется значительная торговля разными товарами по причине большого удобства в плавании на барках, паромах и лодках в Холмогоры и к пристани св. Николая, куда пристают английские, голландские и гамбургские корабли. Этот город лежит в 50 милях от Москвы, на берегу Волги: туда привозится множество товаров из всех мест России. Товары укладываются и грузятся на суда, плавающие по Волге в Архангельск, а оттуда вывозятся в чужие края»⁴.

Развернутое описание города дано в книге шведского историка, королевского историографа Юхана Видекинда «История шведско-московитской войны XVII века». По его словам, «Ярославль — большой город, защищенный сильными укреплениями. Это — один из самых крупных торговых городов во всей России. Там торгуют и немецкие и отечественные купцы, так как туда легко попасть и по суше и по воде из Архангельска, а оттуда по Волге едут в Нижний Новгород и Казань, а также достаточно удобным путем — в Москву»⁵. Позже он упоминает Ярославль как город, принимавший персидских послов, «которые отсюда собираются ехать в Москву»⁶. Речь идет об иранском посольстве Кая Салтана и Булат-Бека (1617 г.). Известно, что встречающий посольство Алексей Зубов «шел ...с послы к Москве на Ярославль»⁷. Эрик Пальмквист — шведский фортификатор, участник посольства в Россию в 1673 г., называет город среди крупных узловых центров на пути из Москвы в Сибирь⁸.

В донесении Филиппа фон Крузенштерна, шведского резидента в России в 1660 г., говорится: «...город Ярославль расположен на правом берегу Волги. Туда, как в общий склад, свозится из Москвы и ее окрестностей, даже почти из всей России, снизу и со всех сторон, летом по воде, а зимой на санях чрезвычайно большое количество товаров, ...как русские, так и восточные товары, оттуда они по суше отправляются на расстояние в 50 миль в Вологду и затем далее по Сухоне и Двине на разных судах в Архангельск и там погружаются на корабли и вывозятся в Голландию, Англию, Германию и Италию»⁹.

О Ярославле как центре торговли упоминается в такой любопытной категории источников, как письма и челобитные русскому правительству представителей шведского купечества. Эти документы тогда же, т.е. в XVII в., были переведены на русский язык. Из них следует, что Ярославль был крупным

---

³ Родес И. де. Донесения королеве Христине // Куриц Б. Г. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 201.

⁴ Петрей де Ерлезунда П. Указ. соч. С. 40.

⁵ Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 461.

⁶ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 462.

⁷ Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. М., 1987. С. 155–159.

⁸ Пальмквист Э. Заметки о России, сделанные в 1674 году // Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1936. Т. 1. Ч. 2. С. 61.

⁹ Донесение Филиппа фон Крузенштерна, шведского резидента в России в 1660 г. // Шаброва О. Г., Шабасова О. И. Ярославль в XVII веке. Ярославль, 1999. С. 21–22.

перевалочным пунктом, через который велась торговля медью, «которая в кричах, из которые льют пушки и колокола, или кровельная медь и иных всяких статей... свитского железа толстого и тонкого и готовых пушек и колоколов и мушкетов и красных всяких нитей и жемчугу и сельдей и бумаги и всякого товару, какой может в торговли бытии»¹⁰. К 1626 г. в Ярославле существовал шведский торговый двор¹¹. Шведы покупали в Ярославле зерно¹².

Помимо этих товаров ярославцы торговали икрой, семгой, полотном, са-лом¹³. Тот же Кильбургер пишет, что «Юфти вывозятся в большом количестве и выделяются в казанской, нижегородской, как и в московской, но больше всего и наилучшие в ярославской и костромской областях. Те, которые заготавливаются около и в Великом Новгороде и псковской области, не так хороши, как предыдущие»¹⁴. В челобитной выборжца торгового человека Ф. Геслинга в Новгородскую приказную палату, датируемой 1668 г., также говорится, что, «будучи в Ерославле» он «покупил юфти и иные русские товары»¹⁵. «В Москве едят «белую рыбу», которая ловится при Ярославле в Волге и очень вкусная»¹⁶.

Шведы говорят также о промыслах Ярославского края. Кильбургер пишет: «Сверх сейчас названных вещей, в Москве есть еще в продаже за сходную цену различные мелочи из собственных русских изделий, как-то: ...висячие замки персидского образца, но сделанные в городе Ярославле на Волге, простой по 10, а двойной от 15 до 16 копеек. Шелковые шнуры, пуговицы из желтой меди, ярославские пороховницы, кожаные дорожные кошельки для опоясывания тела и т.д., и вообще все дешево, что русские сами могут изготовить из персидского шелка, пеньки, кожи, крестьянского железа (железо, которое крестьяне делают ручными раздувальными мехами) и дерева»¹⁷. Ему вторит де Родес: «Льняное семя находится около Казани, Нижнего, Костромы, Ярославля, Вологды,

¹⁰ Челобитная в Новгородскую приказную палату представителя шведского купечества Д. Валкера, посланного с предложением об организации торговли шведскими товарами в Русском государстве // Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. М.; Л., 1960 (далее – Русско-шведские экономические...). С. 28–29.

¹¹ Из письма шведских послов русскому правительству о шведских гостиных дворах в русских городах и о порубежной торговле // Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. М.; Стокгольм, 1978. С. 32–33.

¹² Письмо шведского посла А. Моньера в Посольский приказ с просьбой о разрешении приказчику Е. Ульянову закупить в Ярославле, Костроме и Галиче хлеб для Швеции, недокупленный в 1629 г. // Русско-шведские экономические... С. 64–65; Челобитная шведского резидента И. Меллера в Посольский приказ о возвращении шведским приказчикам К. Демулину и Е. Ульянову конфискованного у них в Ярославле и Архангельске хлеба и о разрешении им дополнительно закупать хлеб // Русско-шведские экономические... С. 69–71.

¹³ Кильбургер И. Ф. Указ. соч. С. 94–99; Родес И. де. Указ. соч. С. 157.

¹⁴ Кильбургер И. Ф. Указ. соч. С. 98

¹⁵ Челобитная выборжца торгового человека Ф. Геслинга в Новгородскую приказную палату о выдаче его товаров, задержанных в Новгороде, и об отпуске за шведский рубеж // Русско-шведские экономические... С. 309–310.

¹⁶ Кильбургер И. Ф. Указ. соч. С. 112.

¹⁷ Там же.

Галича и по Двине... Юфти вывозятся в большом количестве, и их приготавливают больше всего и наилучше в ярославской и костромской областях. Другие, которые приготавливаются в новгородской и псковской областях, совсем не сопоставимы с предыдущими... Сала много добывается в казанской, нижегородской, московской, ярославской и вологодской областях... Русское полотно... делается больше всего в ярославской, вологодской областях у Двины и Ваги внутри страны»¹⁸. И Петрей пишет, что в Ярославле «ткуются прекраснейшие во всей России полотна»¹⁹.

В 1661 г. Россия заключила со Швецией Кардисский мирный договор, завершивший Русско-шведскую войну 1656–1658 гг., согласно которому русские гости получили право держать торговые дворы в Стокгольме, Риге, Ревеле и Нарве, шведы – в Москве, Новгороде, Пскове и Переславле. Об этом говорится, в частности, в ответном письме шведского посла Г. Оксеншерна на письмо Посольского приказа: «И мы, его королевского величества великие и полномочные послы, желаем, ...чтобы царское величество в Переславле и в ьных местех по мирным договорам королевского величества подданным гостиные дворы строить»²⁰.

Перенос торгового двора из Ярославля в Переславль вызвал недовольство шведских купцов. Этот вопрос стал одним из главных во время переговоров шведских послов Бенгта Горна и И. Гастфера с русским правительством в 1662 г. Содержание этих переговоров, из которых можно почерпнуть важную информацию о Ярославле и Переславле, сохранилось в русском переводе. «И послы говорили: ...и дошло до того, что быть царского величества в стороне, в городе Переславле, их свейским торговым людям двору, и они, королевского величества великие послы, ведая то, что город Переславль – место безлюдное, царского величества великим и полномочным послом говорили, что вместо переславского двора бытии двору в Ярославле... Город Переславль малолюдной и уезды к нему небольшие, а торговых и промышленных людей мало, и королевского величества подданным торговым людям двора ставити не для чего и чтоб в Переславле Залесском двор торговых людей отставить»²¹.

Во время переговоров указывалось, что «Ярославль – город великой и переславскому двору он не замена, и чтоб... в городе Переславле Залесском, двор отставить»²². Петрей описал Переславль так: «Крепость и город Переслав лежит несколько к востоку в 24 милях от Москвы, при глубоком озере, в котором изобилие всякой рыбы. А при городе, с одной стороны, протекают три речки, между ними самая важная Нерль, впадающая в Волгу за городом Угличем и выходящая из другого озера, не в дальнем оттуда расстоянии. И из этого

---

¹⁸ *Родес И. де.* Указ. соч. С. 167, 169, 171.

¹⁹ *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 40.

²⁰ Из ответного письма шведского посла Г. Оксеншерна на письмо Посольского приказа от 30 апреля 1674 г. // Русско-шведские экономические... С. 363.

²¹ Из записи переговоров шведского посла Бенгт Горна в Посольском приказе по вопросам русско-шведской торговли // Русско-шведские экономические ... С. 204.

²² Из записи переговоров шведского посла Бенгт Горна ... С. 204.

города благородный граф Де ла Гарди выгнал поляков и рассеял их, а город опять покорил Москве»²³.

Помимо Переславля другие города Ярославского края интересовали шведов лишь отчасти. Исключение составляет Петр Петрей, оставивший обстоятельное описание многих населенных пунктов Ярославии. Так, он пишет, что «княжество Ростов в старину было одним из главных и знаменитых во всей стране, имело своих собственных князей и государей и находилось под властью братьев и сыновей великого князя. Но дед тирана всех их подчинил себе и завоевал княжество. Крепость и город деревянные и лежат на прекрасном, изобильном рыбою озере, из которого течет река Которосль, впадающая в Волгу по ту сторону города Ярославля: там живет и митрополит, по званию и сану равный митрополиту Великого Новгорода»²⁴.

Юхан Видекинд называет Ростов среди наиболее выдающихся центров России²⁵. Далее он говорит, что «Ростовское княжество обладает выдающимся, между прочими, городом Ростовом, местопребыванием архиепископа, и занимает область столь обширную и богатую, что считается величайшим и богатейшим из всех них после Новгорода»²⁶. Описывая события смутного времени, Видекинд упоминает Ростов и Переславль как города, в которых представители шведского посольства могли получить сильную охрану и где, кстати, послов «очень хорошо и обильно угощали»²⁷.

Описание Углича есть у Петра Петрея: «Углич тоже порядочное княжество, от которого крепость и город получили свое название, и лежат в 36 милях от Москвы, на реке Волге; в этом пекутся лучшие и самые вкусные белые хлебы во всей России. Крепость построена из камня. Но она была разорена и разрушена, когда погиб там ужасною и жалкою смертию сын великого князя Ивана Васильевича Димитрий, впоследствии оживший и бывший виною кровопролитнейшей войны в стране»²⁸.

Видекинд упоминает среди городов края «город Романов, где живут знатнейшие из татарских воинов»²⁹. Это соответствует действительности, в 1570 году Романов был отдан во владение татарским мурзам. Тот же Петрей описывает Мологу и Холопий городок. «Неподалеку оттуда лежит Холопий город, где впадает в Волгу красивая река Молога. В старину стояла там сильная крепость, но теперь она разорена и разрушена. В городе нет ничего особенного, потому что большая часть его пуста и безлюдна. Однако ж жители всей страны собираются туда на большие ярмарки и ведут там важную торговлю, покупают и продают свои товары. Этот укрепленный город получил свое название от челядинцев

²³ Петрей де Ерлезунда П. Указ. соч. С. 37.

²⁴ Там же.

²⁵ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 336.

²⁶ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 398.

²⁷ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 461.

²⁸ Петрей де Ерлезунда П. Указ. соч. С. 39.

²⁹ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 461.

и рабов новгородских дворян и купцов... Они назвали этот город с крепостью, по своему имени, “Холопий Город”, потому что “холоп” на их языке означает раба, или кабального, а “город” – то же, что немецкое Schloss или Stadt; это название и до сих пор принадлежит городу»³⁰.

Участие городов Ярославского края в политических событиях того времени также привлекает внимание шведов. Так, шведский историк, профессор Упсальского университета Иоханнес Мессениус, описывая события 1603 г., сообщает: «Поскольку королевич Густав Эрикссон не желал переменить католическую веру на русскую, не пожелал воевать свою родину и не поддержал другие намерения Московита, был сослан на заточение в Ярославль»³¹. Подробнее об этом событии пишет Петрей: «Великий князь Борис Годунов уступил это княжество на содержание господину Густаву, сыну Эрика XIV, короля шведского, с условием, впрочем, чтобы этою областью управляли русские бояре, данные ему в услужение, собирали с нее доходы и давали ему из собранного, сколько нужно на содержание его и слугителей: так он и жил до кончины великого князя...

Но мнимый, выдуманный Димитрий отнял у него Углич и принца отправили в город Ярославль, где содержали его не лучше пленника, за то только, что он больше расположен был к шведскому королю Карлу IX, нежели к польскому Сигизмунду III; великий князь Василий Шуйский перевел его оттуда в другой город, Кашин, где наконец он и умер в великой бедности»³².

В основном же об участии Ярославля и других городов региона в политических действиях, а именно в событиях Смуты, пишут Петрей, Видекинд и Матвей Шаум. Последний был участником шведского вторжения в Россию, а позже – автором ряда трудов о русской политической истории.

Шаум дает свою трактовку тех событий, которые произошли в Угличе и стали началом Смуты. «Тогда Димитрий жил в Угличе. Борис Годунов преклонил некоторых Димитриевых прислужников (юнкеров) к измене и подарками подкупил их умертвить своего господина... Сие учинили они следующим образом. В одну ночь зажгли они город. Когда же сей начал гореть, то произошло страшное смятение»³³. Дмитрий был убит. «Тогда народ, еще паче пожара уstraшенный, устремился к замку, и видя сие справедливым, в ярости и ожесточении перебил почти всех Димитриевых слуг, ибо он опасался, что должен

---

³⁰ *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 39.

³¹ *Мессениус И.* Хронология свершений северных венедов и деяний, без сомнения к Скандинавии относящихся, финнов, ливов и куронов едва ли не от самого всемирного потопа до года MDCXXVIII от рождества Христова // *Ex Johannis Messenii Scandia Illustrata, Totus X. Seu Chronologia De Rebus Venedarum Borealium, ad Scandiam jure pertinentium, scilicet Finnonum, Livonum, et Curlandorum, ab ipso ferme orbis diluvio, ad annum Christi MDCXXVIII.* Stockholm, 1703.

³² *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 40.

³³ *Шаум М.* История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Дмитрием и О взятии Шведами Великого Новгорода. Сочинение Матвея Шаума, 1614 года // ЧОИДР. М., 1847. № 2. С. 6.

будет отвечать за Димитрия»³⁴. Далее Шаум говорит о том, что «Борис осудил бедных граждан и купцов на воду, на смерть и заточение, и многих отослал в Сибирь»³⁵. Завершает он свой рассказ сюжетом, связанным с расследованием этого убийства, проведенным Василием Шуйским, который, «признав убитого за подлинного Димитрия, велел его похоронить по великокняжески, а самый замок разломать, как дом смертоубийства»³⁶.

Дальнейшее изложение событий, связанных с Ярославским краем встречаем у Петрея. Он пишет о том, что в Ярославль были сосланы Марина Мнишек, ее отец и их свита. Они «охранялись крепкою стражей на большом дворе, а служители и другие поляки посажены в заключение; им не давали ничего другого, кроме хлеба и воды. Все же бывшие там польские дворяне должны были продать за половинную цену свое платье, галантерейные и всякие другие вощи, сохранившиеся у них во время бунта, на свое содержание и на покупку съестного»³⁷.

Видекинд добавляет, в частности, сведения о том, что во время Смуты Ростов и Ярославль присягали на верность Лжедмитрию³⁸. Петрей называет среди городов, присягнувших «в верности и преданности самозванцу» Переславль и Ростов, добавляя затем, что «Ростов хотел было потом изменить, но ему плохо пришлось за это: весь город был вырезан и сожжен. Поляки получили превосходную добычу в его монастырях и церквах в золоте и серебре, драгоценных камнях и жемчуге, снимали с икон все их серебряные ризы, а со св. Леонтия, лежащего в серебряной раке, золотую в 300 фунтов весом, изрубили эти ризы топорами в куски и разделили между собою. Митрополита отвели пленником под Москву к Димитрию, который принял его милостиво и сделал своим патриархом. Говорили, что в посохе митрополита был рубин, стоивший 200 гульденов и подаренный им Димитрию»³⁹.

Видекинд повторяет эти сведения, описывая, как польский гетман Сапега «отнял у ростовцев множество утвари из золота с драгоценными камнями, а золотую статую св. Николая они разделили между собой»⁴⁰. Последние сведения не встречены ни в одном источнике, и историки относятся к ним довольно скептически.

Пример Ростова устроил ярославцев, которые, по словам Петрея, сдались «на таких условиях, чтобы гражданам было оставлено их судопроизводство, поляки не тревожили бы их и не позорили их жен и детей. Они будут верны и преданы Лжедмитрию и сделают для него все возможное; послали в стан к нему 30000 рублей золотом и желали себе начальника, который управлял

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 240–241.

³⁸ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 41.

³⁹ *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 342.

⁴⁰ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 41.

бы ими и оборонял их от поляков. Дмитрий дал им в начальники Лоренца Бюгге, шведа, родом из области Гельзингеланда, который больше 30 лет жил в России и приведен был в Москву пленником из Ливонии при тиране Иване Васильевиче. Этот капитан пришел в Ярославль с 1000 конных воинов: граждане долгое время снабжали их с лошадьми пищею и питьем, сеном, овсом и всем нужным»⁴¹.

Дальнейшие события Смуты и участие в них ярославцев из всех шведских источников встречаются только у Петра Петрея. Он описывает, как, узнав о победоносном походе русско-шведского войска Михаила Скопина-Шуйского и Делагарди, «многие города и крепости, присягнувшие Дмитрию, отложились от него, каковы: Вологда, Галич, Романов, Молога, Рыбинск, Суздаль, Ярославль, Углич, Кашин и многие другие, граждане и поселяне собрались в числе нескольких тысяч и везде нападали врасплох на поляков и изменников русских, которые стояли за Лжедмитрия»⁴².

Затем Петрей приводит хорошо известный и по другим источникам сюжет о неудачной попытке польского ротмистра Лисовского взять Ярославль. «Он ничего не мог сделать, потому что везде, где ни стояли, они огораживали себя крепким частоколом, и поляки должны были оставить их в покое. Но один из немцев, Иохим Шмидт, был до того отважен, что поехал в город Ярославль, потому что очень знаком был с тамошними горожанами и имел жену ярославку: он намеревался убедить их, чтобы они сдались Лжедмитрию и не заводили кровопролития. Заметив его из города, граждане высыпали толпою к городским воротам и хотели знать, что ему надо. Он сказал, что сделано распоряжение по их жалобам. Дмитрий пришлет к ним одного знатного польского господина, который накажет злодеев, причинявших насилия и отягощения жителям. Что же сделали ярославцы? Они все заманивали его ласковыми словами ближе к себе, схватили под уздцы его лошадь, свели его с нее, притащили в город, поставили на огонь большой пивоварный котел, налили до краев медом и бросили туда Шмидта, совсем нагого: варили, кипятили его, так что мясо стало отваливаться от костей, потом вынули из котла и бросили кости и мясо за вал на съедение свиньям и собакам. Узнав о том, Лисовский пошел туда и сжег городские предместья, также другие местечки и деревни, изрубил всех мужчин и женщин, старых и молодых, и удалился оттуда с большой добычей»⁴³.

Тем временем Скопин и Делагарди «послали несколько взводов конницы в Переславль, чтобы не только отрезать Лисовскому отступление в стан, но и занять этот город. Это и удалось им: они взяли город приступом, побили всех поляков, которые там были, принудили русских опять присягнуть великому князю и потом отдыхали несколько недель»⁴⁴. После этого «в покорность великому князю» перешли другие города, в том числе Углич.

Позже Видекинд характеризует Ярославль как центр сопротивления по-

---

⁴¹ *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 342.

⁴² Там же. С. 346.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 232.

лякам, а описывая прибытие в город Второго ополчения, основное внимание уделяет возможности возведения на русский трон шведского принца Карла Филиппа. «Князь Дмитрий Пожарский... решил остановиться в Ярославском княжестве и стал договариваться с новгородцами об избрании сообща государя (великим князем сына его королевского величества из Швеции)»⁴⁵. Об этом пишет и Петрей: «Еще по первому объявлению русских сословий, собранных в Ярославле, Новгородская область отправила своих послов со значительною дружиной из молодых дворян и прислужников. Им приказано было неотступно просить короля Карла IX от имени всего Русского царства, а в особенности от имени сословий Новгородской области, чтобы его королевское величество всемилостивейше пожаловал Русской державе и им в особенности в государи и великие князья одного из великородных своих сыновей, или ныне царствующего короля Густава Адольфа, или юного герцога Карла Филиппа»⁴⁶.

Действительно, в Ярославле участники Второго ополчения были убеждены, что спасти Российское государство от разорения и междоусобиц сможет лишь шведский принц на Московском престоле. Члены совета вся земля планировали провозгласить Карла Филиппа государем всей Руси. Было решено лишь настаивать на принятии королевичем православия⁴⁷.

В свое время Юрий Крижанич заметил, что «о русском народе и об этом преславном государстве написали не одну, а множество особых книг, потому что страна эта отдалена от европейских народов, и вещи эти им менее известны»⁴⁸. Читая записки иностранцев, которые в разное время и при различных обстоятельствах побывали в Ярославле, следует помнить, что их оценки весьма субъективны. Они зависели от многих факторов, в том числе и случайных — образования и воспитания, целей поездки, прочитанного и услышанного ранее, настроения, погоды, даже времени года. Поэтому вряд ли можно считать их взгляд на Ярославский край во всем объективным, а информацию абсолютно достоверной. Однако, несмотря на то, что их представления о национальном характере и образе жизни русского народа порой достаточно поверхностны, все-таки следует признать, что, наблюдая со стороны, они многое поняли и угадали, и их записки интересны прежде всего тем, что в них встречается много верно подмеченных деталей и явлений тогдашней жизни, о которых молчат другие источники.

---

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Петрей де Ерлезунда П.* Указ. соч. С. 369.

⁴⁷ *Смирнов А.* Несостоявшийся русский царь Карл Филипп, или Шведская интрига Смутного времени М., 2013.

⁴⁸ *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965. С. 487.